

духовного роста поэта специфическое значение: если лирические и лиро-эпические произведения, сопровождая весь процесс мировоззренческого движения автора, отражают все сложные перипетии и тонкости его, выступая в этом смысле в качестве универсальных, то драматургия и художественная проза передают в полной мере опыт духовно и мировоззренчески созревшего человека; роман в стихах, создаваемый в ключевой период становления собственного взгляда на мир, отражает мучительность, бесповоротность и прочность усвоения христианского мировоззрения.

-
1. *Иоанн Восторгов, прот.* Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1.
 2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1974–1990. Т. 16.
 3. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1981.
 4. *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. М., 1983.
 5. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1. М., 1996.
 6. *Непомнящий В.* Пушкин: Русская картина мира. М., 1999.

И. А. Калашникова
г. Сургут

Роман И. С. Тургенева «Дым» в поэтической рецепции Ф. И. Тютчева

Опубликованный в третьем номере «Русского вестника» за 1867 год роман И. С. Тургенева «Дым» вызвал оживленное обсуждение и острую критику. Его полемичность, сатирическая заостренность, памфлетность настроили против автора практически всю русскую интеллигенцию, все политические партии и кружки. Во многих письмах к Д. И. Писареву, П. В. Анненкову, А. И. Герцену, А. Ф. Писемскому, И. П. Борису Тургенев со спокойствием рассказывал о такой реакции читающей публики и критики: «Судя по всем отзывам и письмам, меня пробирают за “Дым” не на живот, а на смерть во всех концах нашего пространного отечества...» [1, т. 6, с. 256], «Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за “Дым”. Камни летят со всех сторон» [Там же, с. 258], «Знаю, что меня ругают все – и красные, и белые, и сверху, и снизу – и сбоку – особенно сбоку. <...> Но я что-то не конфужусь – и не потому,

что воображаю себя непогрешимым, – а так как-то – словно с гуся вода» [Там же, с. 260].

Среди прочих полемических отзывов Тургенев особо выделял оценку романа Ф. И. Тютчевым, о сути которой писатель впервые узнал из письма В. П. Боткина от 23 апреля 1867 года: «Вчера я был у Ф. И. Тютчева, – он только что прочел – и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура – он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» [2, с. 264].

Однако отношение Тютчева к роману не было однозначно негативным. В письме к А. М. Горчакову поэт спрашивает о его внучатой племяннице, Н. С. Акинфиевой: «Прочла ли она уже новый роман Тургенева [“Дым”]? Вот чтение, которое она найдет приятным и сумеет по достоинству оценить» [3, т. 6, с. 222].

Тютчевская оценка вскоре нашла отражение в «негодующих», по словам Тургенева, стихах [Там же, с. 258]. Содержание их было известно писателю: «Люди, до сих пор постоянно ко мне благосклонные, осыпали меня упреками; Ф. И. Тютчев даже стихи по этому поводу сочинил» [Там же, с. 269].

Действительно, в майском выпуске «Отечественных записок» за 1867 год появился первый тютчевский поэтический отклик на роман Тургенева – стихотворение «Дым». Центральным образом лирического текста является «могучий и прекрасный» лес. Образ этот узнаваем, нагляден. Лес шумит и зеленеет, в нем сквозят лучи и трепещут тени, он овеян чудным светом. Это «дивный мир», он весь окружен живой жизнью, является ее воплощением:

Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог зывал по временам... [3, т. 2, с. 174]

Лирический герой не безучастен к изображаемой картине, он любит тем, что видит:

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир! [Там же]

Образ ловца вызывает у читателя ассоциации с более ранним крупным произведением Тургенева – циклом «Записки охотника»*. Известно

* Образ природы играет в романе «Дым» гораздо менее значительную роль, чем в «Записках охотника». Не останавливаясь на причинах этого обстоятельства, отметим, что вместе с тем образ леса появляется в тексте романа в одном из ключевых,

весьма благосклонное, порой восторженное отношение Тютчева к этой книге, в особенности – к мастерскому изображению в ней природы: «Я только что прочитал два тома *Тургенева*, “Записки охотника”, где встречаются чудесные страницы, отмеченные такой мощью таланта, которая благотворно действует на меня; понимание природы часто представляется вам как откровение» [3, т. 5, с. 121], «Полнота жизни и мощь таланта в ней [книге Тургенева] поразительны. Редко встречаешь в такой мере и в таком полном равновесии сочетание двух начал: чувство глубокой человечности и чувство художественное; с другой стороны, не менее поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного, и сокровенного природы со всей ее поэзией» [Там же, с. 127].

Образ леса – один из центральных природных образов «Записок охотника». В лесу происходит действие рассказа «Свидание», отдельные эпизоды рассказов «Касьян с Красивой Мечи», «Смерть». Развернутое описание леса включено в рассказ «Ермолай и мельничиха». В рассказах «Хорь и Калиныч» и «Лес и степь», обрамляющих «Записки охотника», описание леса становится метафорическим воплощением одной из ипостасей русского человека. В каждом из указанных случаев образ леса обладает индивидуальными чертами, не повторяет предыдущий. Наиболее близок тютчевскому «Дыму» в этом отношении рассказ «Смерть».

Поэтическое описание леса в стихотворении Тютчева имеет множество общих черт с чаплыгинским лесом, о котором вспоминает охотник. Картина леса в рассказе Тургенева – развернутая, подробная, детализированная – оставляет ощущение природной красоты и силы: «Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней. Их статные, могучие стволы великолепно чернели на золотисто-прозрачной зелени орешников и рябин; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и там же раскидывали шатром свои широкие узловатые сучья» [1, т. 4, с. 213]. Как и в стихотворении Тютчева, лес в рассказе «Смерть» – это «целый мир разнообразный». Жизнь проявляет себя в нем не только в визуальных, но и в звуковых образах: «Ястреба, кобчики,

наиболее эмоционально и семантически насыщенных его эпизодов. После объяснения Литвинова с Ириной Павловной в любви, воспринятой им как «несчастье», герой отправляется в лес, чтобы осмыслить произошедшее: «Литвинов не вернулся домой: он ушел в горы и, забравшись в лесную чащу, бросился на землю лицом вниз и пролежал там около часа. Он не мучился, не плакал; он как-то тяжело и томительно замирал. <...> Он чувствовал одно: пал удар, и жизнь перерублена, как канат, и весь он увлечен вперед и подхвачен чем-то неведомым и холодным» [1, т. 9, с. 257].

пустельги со свистом носились над неподвижными верхушками, пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев черного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги; внизу, в кустах, чирикали и пели малиновки, чижи и пеночки» [Там же]. Тютчевский образ леса в более краткой, лаконичной форме будто бы возвращает читателя к этому описанию: тот же акцент на игре света и тени, те же птицы и животные вокруг.

Следует отметить, что и в стихотворении Тютчева, и в тургеневском рассказе образ леса дан в ретроспективе. Охотник лишь вспоминает, каким чаплыгинский лес был прежде, каким он видел его еще в детстве. Теперь же, после «губительной, бесснежной зимы 40-го года», он выглядит совсем иначе: «Засохшие, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей, которая “сменила их, не заменив”... Иные, еще обросшие листьями внизу, словно с упреком и отчаянием поднимали кверху свои безжизненные, обломанные ветви; у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной по-прежнему, торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, уже вовсе повалились и гнили, словно трупы, на земле» [1, т. 4, с. 214]. В лесу нарождается молодая роща, на некоторых деревьях еще осталась листва, и все же это описание оставляет ощущение постепенного, мучительного умирания, угасания жизни. Охотник так комментирует свой рассказ: «Много прекрасных дубовых лесов погубила эта безжалостная зима. Заменить их трудно: производительная сила земли видимо скудеет» [Там же]. Потеряна мощь жизни, ее цвет и сила, надежды на ее возрождение не остаются в сердце читателя. Эта безрадостная картина предваряет вставные новеллы об «удивительных смертях» русских людей.

В стихотворении Тютчева лес также был прекрасен лишь в прошлом, в то время как сейчас

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни... [3, т. 2, с. 174]

Очевидно, эти печальные изменения в тютчевском лесу – следствие пожара. Но сам он в стихотворении не описывается, перед глазами читателя предстает лишь «безотрадный, бесконечный дым». Он опущен над лесом, как завеса, какой-то таинственной силой, которая скрывает прежнюю его мощь и прелесть. Дым царствует в лесу «как пятая стихия».

И в рассказе Тургенева, и в стихотворении Тютчева лес погублен стихийными силами – холода в первом случае и огня во втором. Но настраивание тютчевского лирического героя не столь безотрадно, как у рассказчика «Записок охотника». Он надеется на возрождение леса, на его пробуждение от тяжелого и губительного сна:

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет...
Все тот же лес, волшебный и родной [3, т. 2, с. 175].

Как известно, лес, дерево являются традиционными общекультурными символами процветания, изобилия, метафорами жизни. Именно такой семантический ореол сопровождает образ леса в «Записках охотника». Тютчевская же его трактовка несколько иная.

Если тургеневский образ леса очень пластичен, наделен исключительно реально существующими чертами, то у Тютчева это в большей мере лес сказочный, волшебный: он исполнен «видений и чудес», в нем грезятся «нездешние создания», с «речью и приветом» из лесной чащи выходит «целый рой» «знакомых лиц». Таким образом, лес у Тютчева обретает новое метафорическое значение – творческой жизни писателя, воплощая все то лучшее, что было в прежних тургеневских произведениях: поразительную глубину проникновения в суть природы русского человека и русской природы, ощущение их могучих созидательных сил. Тургеневский пессимистический взгляд на современное состояние России, на ее будущее был воплощен в образе дыма. Тютчев в своем стихотворении выражает надежду на возрождение таланта русского писателя, на обретение им своей прежней художественной силы.

Интересно, что метафора «творчество – дерево» возникает приблизительно в то же время и у Тургенева в его письме к Д. И. Писареву: «Хотя я, с одной стороны, очень хорошо знаю, что всякий талант, как всякое дерево, дает только те плоды, которые ему приличествуют, однако, с другой стороны, я не делаю себе никаких иллюзий насчет моего таланта – моего дерева – и вижу в нем весьма обыкновенную, едва привитую, российскую яблоню» [1, т. 6, с. 255].

Второй стихотворный отклик Тютчева на роман Тургенева – его эпиграмма «И дым отечества нам сладок и приятен!..» – появилась в печати без подписи автора 22 июня 1867 года на страницах газеты «Голос».

Как видно, эпиграмма открывается цитатой из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Причем фраза эта употреблена с иной, чем в пер-

воисточнике, семантикой. Чацкий, передавая Софье свои впечатления от увиденного в России, замечает:

Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротись домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен! [4, с. 25]

Сложно не заметить иронию, с которой герой произносит эти слова. Тютчев же нивелирует ироническую интонацию, определяя данной фразой отношение к своей стране «века прошлого».

На наш взгляд, цитирование грибоедовского текста здесь не случайно. В комедии, где сходятся «век нынешний и век минувший», также ставятся актуальные вопросы современного состояния России, пути ее развития, смены старых идеалов и ценностей новыми. С этой точки зрения тургеневский роман родствен комедии Грибоедова. Обращает на себя внимание, что в самом тексте «Дыма» присутствуют имплицитные реминисценции из «Горя от ума». Так, в первом разговоре Литвинова и Бамбаева (гл. III) заходит речь о книге, которую пишет Губарев:

«– Но Губарев, Губарев, братцы мои!!! Вот к кому бежать, бежать надо! Я решительно благоговею перед этим человеком! Да не я один, все сподряд благоговеют. Какое он теперь сочинение пишет, о... о... о!..

– О чем это сочинение? – спросил Литвинов.

– Обо всем, братец ты мой, вроде, знаешь, Бёкля... только поглубже, поглубже... Все там будет разрешено и приведено в ясность.

– А ты сам читал это сочинение?

– Нет, не читал, и это даже тайна, которую не следует разглашать; но от Губарева всего можно ожидать, всего! Да!» [1, т. 9, с. 152].

По сути, такую же оценку дает Репетилов сочинению Ипполита Маркелыча Удушьева:

Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд и нечто*.
Об чем бишь *нечто*? – обо всем;
Все знает, мы его на черный день пасем [4, с. 103].

Да и сам характер Бамбаева с его пустой восторженностью весьма близок Репетилову. Кроме того, деятельность губаревского кружка впол-

не может быть охарактеризована ключевой фразой Репетилова: «Шумим, братец, шумим!» [4, с. 102]. Сцена у Губарева, передача всевозможных нелепых сплетен (гл. 4) сходны со сценой бала у Фамусова, на котором главной «новостью» стало мнимое сумасшествие Чацкого (действие III, явления 14–21).

В эпиграмме выражено неприятие Тютчевым западнических настроений Тургенева, нашедших отражение в романе. Поэт негодуяще говорит о критической оценке Тургеневым России и ее исторической роли как о бессмысленном критиканстве:

...и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит! [3, т. 2, с. 173]

Как справедливо отмечает Н. П. Генералова, такая негативная реакция поэта «была вызвана прежде всего политическими мотивами романа, зазвучавшими особенным диссонансом в пору Славянского съезда в Москве. <...> Политика тоже была его [Тютчева] страстью, не менее высокой, чем сама поэзия» [5, с. 480].

Оба анализируемых стихотворения Ф. И. Тютчева вызваны одним поводом. При этом поэтический отзыв на роман представлен в различных жанровых моделях.

«И дым отечества нам сладок и приятен!..» – это классическая эпиграмма, сохраняющая свою традиционную структуру. Первая часть стихотворения – нейтральное наблюдение, вторая – остроумный пуант, построенный на семантической игре с первоисточником. Игра эта возникает на перекличке с комедией «Горе от ума»: «в ком не сыщешь пятен?» [4, с. 25] у А. С. Грибоедова – «сам талант все ищет в солнце пятен» [3, т. 2, с. 173] у Тютчева.

Стихотворение «Дым» представляет собой более сложную художественную систему и с точки зрения жанровой принадлежности может быть определено как лирическая аллегория. В нем отчетливо обозначена точка зрения лирического героя, весь комплекс его чувств, мыслей, ощущений, чаяний. Поэтическая оценка творчества Тургенева дана в индикаторной форме. Большой объем текста, отсутствие четкой жанровой эмоциональной установки позволили поэту многогранно отразить свое отношение к роману и тургеневскому творчеству в целом. Если эпиграмма «И дым отечества нам сладок и приятен!..» – это, прежде всего, точка зрения политика, то стихотворение «Дым» – взгляд художника, способного выйти за рамки внешних разногласий. Даже в том случае, когда разногласия эти связаны с ключевыми для обоих писателей проблемами.

Анализ этих лирических текстов в жанровом аспекте позволяет по-новому оценить отношение Тютчева к тургеневскому роману, проясняет сложную и противоречивую сущность тютчевской оценки «Дыма».

Поэтические отклики Ф. И. Тютчева на роман И. С. Тургенева – одна из форм творческого диалога между художниками слова. Диалог этот был многогранным, сложным, как непростыми были и личные взаимоотношения его участников. Негативная, на первый взгляд, оценка поэтом романа Тургенева обнаруживает при дальнейшем рассмотрении заинтересованное, внимательное отношение Тютчева к творческому пути автора «Записок охотника», к динамике его духовной жизни. Примечателен тот факт, что этот диалог двух классиков органически включается во взаимодействие с творчеством других русских художников слова. Все это создает сложную систему творческих взаимосвязей, исследование которых способствует постижению важнейших закономерностей развития отечественной литературы XIX столетия.

-
1. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968.
 2. В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка: 1851–1869. М.; Л., 1930.
 3. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2002–2004.
 5. *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М., 1969.
 6. *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003.

Е. В. Никкарева
г. Ярославль

Жанр романа в лирике М. Ю. Лермонтова

В ряду актуальных проблем современного литературоведения важное место занимает изучение переходных литературно-художественных явлений, лежащих на границе культурных эпох. Одним из таких явлений стал жанр литературного романа, закрепившийся на русской почве в конце XVIII века. Проведенное исследование показало, что литературный роман на протяжении всей истории своего развития не был аутентичным жанром, что во многом и представляет серьезную проблему для